

дѣлялъ воззрѣнія, отождествляющаго римско-католическое исповѣданіе поляковъ съ ихъ анти-русскими революціонными замыслами, и доказывалъ, что убѣжденный римскій католикъ-полякъ можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждъ всякихъ революціонныхъ замысловъ. Такое соединеніе для него являлось особенно возможнымъ среди поляковъ и литовцевъ изъ крестьянскаго населенія.

Когда возникали разсужденія по излюбленному вопросу Кавелина о молодости и свѣжести великорусскаго племени и онъ развивалъ тѣ же мысли, которыя высказывалъ мнѣ въ 1863 году ¹⁾, — невольно заходила рѣчь о степени религіозности русскаго простолюдина, о православіи его, которое признается славянофилами самымъ основнымъ выраженіемъ самобытности славянской вообще и русской въ частности. Кавелинъ въ этомъ отношеніи мыслилъ діаметрально-противоположно съ славянофилами, и вопросъ о православіи русскаго народа былъ всегда самымъ главнымъ спорнымъ пунктомъ между ними и Кавелинымъ. Исходя изъ убѣжденія, что русскій народъ прежде всего утилитаристъ, Кавелинъ не только не допускалъ возможности должнаго пониманія имъ абстрактнаго православнаго ученія, но не замѣчалъ въ темной, непросвѣщенной русской народной массѣ вполне сознательнаго отношенія къ христіанству. Въ этомъ онъ винилъ, съ одной стороны, наше приходское духовенство, формально относящееся къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, а съ другой стороны — вообще низкій умственный уровень нашихъ народныхъ массъ. — „Двоевѣріе XIV—XV вв., мертвый буквализмъ XVI и XVII вв. — вотъ въ какихъ религіозныхъ понятіяхъ живетъ доселѣ наша народная масса“, — говорилъ онъ. „Пониманіе этой массой религіи всего лучше подмѣчено Бѣлинскимъ въ его извѣстномъ письмѣ къ Гоголю“. По убѣжденію Кавелина, предстояла серьезная потребность реформы въ жизни русскаго духовенства, съ цѣлю болѣе правильнаго внушенія русскому простолюдину основъ христіанскаго ученія...

Сравнивая настоящее съ минувшимъ, Кавелинъ чаще всего останавливался на двухъ историческихъ личностяхъ, параллель между которыми онъ, съ своей точки зрѣнія, проводилъ еще въ 40-хъ годахъ въ статьѣ: „О юридическомъ бытѣ древней Россіи“, — на Иванѣ Грозномъ и на Петрѣ Великомъ. То, что говорилъ Кавелинъ о томъ и о другомъ въ 1867 г., составляло дальнѣйшее развитіе его взглядовъ, изложенныхъ въ статьѣ: „Мысли и замѣтки о русской исторіи“, появившейся въ 1866

¹⁾ См. VI-ю главу „Матеріаловъ“, „Вѣстн. Евр.“, 1886, октябрь, стр. 745—746.